

Кай К.

В жизни мужчины

18+

Кай К.

В жизни мужчины

<https://litres.ru/74107081>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мужчины редко говорят о чувствах.

За любой их суровостью всегда скрывается женщина.

Сначала это строгая воспитательница с нежными и влажными руками. Позже появляется опасная учительница в черном кружеве. На смену ей приходят загадочные спутницы, чьи тайны пугают сильнее реальности.

Перед вами честная хроника взросления. Местами ироничная, а местами жутковатая.

Присаживайтесь. И давайте поглядим, что порой бывает в жизни мужчины.

Содержание

Введение	4
Шёпот	6
На французской стороне	8
Роды	10
Здесь был я	13
Считалочка	15
М. Ученик	18
Директор школы	24
Ещё три дня	34
Рита Жук	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кай К.

В жизни мужчины

Введение

В каждом маленьком ребёнке — и мальчишке, и девчонке — есть по одной хорошей истории, и того больше. А уж стоит в компании малознакомых людей одному побороть стеснительность и выдать что-нибудь из ряда вон, как плотину прорывает, и чужие внезапно делаются близкими, точно состоят в стоворе, и начинают заваливать друг друга байками.

Перед вами не трактат, не учение. Это даже не попытка научить кого-то жить. Это всего лишь собрание сочинений. Одна из множества попыток ухватить жизнь за грудки и зафиксировать мгновения. Мне просто хотелось показать, что в каждом из нас есть куча историй, что хватит материала на полноценный роман или сборник, даже если автор в последний раз писал сочинение в школе.

Я не претендую сколько-нибудь на философские размышления. Нет ничего пошлее мыслителя в домашнем халате. Мне лишь хотелось напомнить, что за каждым суровым лицом скрывается своя история.

Присаживайтесь. И давайте поглядим, что порой бывает в жизни мужчины...

Copyright © 2026 Кай К

Все права защищены. Все имена и события вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны. Произведение носит исключительно развлекательный характер.

Шёпот

Как-то зимой в детском саду мы посадили лук. Каждое утро я раздвигал шторы, наблюдал за нашей грядкой на подоконнике. А когда через месяц появились первые ростки, я радовался, тихонько пытаюсь сберечь это чувство ото всех, чтобы не растратить его понапрасну.

Нас было четверо из взрослой группы — те, кто оставался там до самого вечера: Серж, Корина, я и ещё какой-то мальчишка. Чтобы мы не шушукались в тихий час, воспитательница накрывала нас с головой. Я в панике ёрзал по кровати и боялся пикнуть, не то что возразить.

А ещё в моей памяти останется то, как наказывала нас Полина Александровна. Представляете, девочкам всегда сходили с рук их проступки; провинившийся же мальчик, стоял на холодном подоконнике третьего этажа, наблюдая за происходящим на улице. Это хуже, чем удар ремня, ведь он приносил мимолётную физическую боль, сдержать которую не составило бы и труда, но наказание Полины Александровны пробирало тебя изнутри и длилось весь тихий час.

Не помню, когда впервые это случилось.

— Раздевайся! — сказала она таким тихим, невинным голоском.

Я опустил глаза, вместе с ними опустились майка, шортики и трусы. Кто-то ворочался под одеялом, кто-то пытался

приподнять его краешек и взглянуть на обстановку вокруг, чем очень сильно рисковал.

— Вставай! — продолжила она.

Я забрался на подоконник.

— Руки! — снова её голос обдал моё тело, словно ледяной водой.

Я завёл их за спину и стоял, пока фаза быстрого сна моих друзей переваривала сегодняшний день.

Как только все засыпали, Полина Александровна шёпотом звала к себе и укладывала в кровать. Она ритмично касалась спины, что наводило на меня сон, и водила кончиками пальцев по низу живота, продолжая убаюкивать. Её руки были такими мягкими и нежными, и всегда влажными. Я не понимал, что происходило, но меня манило такое наказание. Смесь из страха ещё большего наказания и удовольствия от таинства того, что Полина Александровна совершала выходящие за рамки действия, порождало моё молчание.

Она обещала не рассказывать о случившемся проступке родителям, если ты будешь вести себя идеально, что было залогом всеобщего молчания. И никак не понять ведь, какое настроение у воспитательницы: то ли она смеётся, то ли зла — всегда одно и то же лицо. Наверное, поэтому у неё ни следа морщин.

После сна нас ждал кофейный напиток и хлеб с кабачковой икрой. Серж уплетал всё за обе щёки, Корина томно вздыхала, а я тихонько радовался проросшему луку.

На французской стороне

В это время уже холодает, но солнце ещё припекает, как и в летние дни. Вся семья собирается в дорогу, чтобы копать картошку. Ту самую, что сажали весной половинками вместе с горстью перегноя в лунку.

До огорода добирались на стареньком красном «Иже». Люлька была его самой приметной чертой: её дно давным-давно сгнило и источало резкий запах сырости и металла. Впрочем, чему удивляться. Отец приобрел этот агрегат ещё в год моего рождения, тогда в стране всё разваливалось, и мотоцикл, спустя четырнадцать лет, стал точной копией эпохи.

Однако именно ему предстояло стать моим билетом в юность. Отец, человек технически одаренный, обладал религиозным трепетом перед хламом, который для него становился не просто мусором, а частью биографии. И он-таки решил подготовить наследство. Он залатал дыру куском алюминия. Получилось добротно, но с подвохом. Если сесть в люльку без сиденья, можно было навсегда слиться с отечественным автопромом.

Настал решающий день.

Утром голова тяжелая, потому что тянешь время, притворяясь спящим. Пока спишь, тебя не трогают. Но...

Маменька расхаживает по комнатам и ровным голосом

сообщает, что пора вставать. Старший брат сразу же вскакивает, убирает постель и идёт завтракать. А нам с младшей сестрой всегда нужно было особое приглашение. И тогда в дело вступает отец.

Он заходит в комнату и запеваёт. Громко и фальшиво. — На французско-о-ой сто-о-о-роне-е-е, на чужой планете, предстоит учиться мне в университете! До чего ж тоскую я... — Ну, па-а-ап! — раздаётся из-под одеяла сестры. — Хватит петь!

— На французско-о-ой сто-о-о-роне-е-е, на чужой планете...

— Да встаём мы, встаё-о-ом! И вот мы уже одетые стоим возле мотоцикла. Я пытаюсь завести двигатель. Выжимаю сцепление, подгазовываю. Как на первых уроках в автошколе. Только там учат, как правильно, а здесь с матом усваиваешь то, как делать не надо.

Роды

Вот-вот должна была показаться головка. Руки дрожали, глаз дёргался; я прошёл все стадии, какие проходит умирающий, минуя торг и депрессию, пока не дошел до стадии принятия. Принятия на себя обязательств после родов стать крестным отцом.

Был погожий день, как раз чтобы играть в снежки и закидывать снег девочкам за воротник. Однако я спешил домой. Ибо холод действует на меня так, что ссаться хочется неимоверно.

В школе, где зимой холоднее, чем на улице, стараешься не двигаться, дабы не расплескать ни горячий кисель из столовой, ни лишнюю энергию от вареников с картошкой. Сидишь, бережешь тепло, вздрагивая лишь от одного взгляда на обстановку за окном. Поэтому домой я ворвался с расстёгнутой ширинкой.

Испытав блаженство быть «опустошенным», двинулся на кухню. На холодильнике висела записка.

Посматривайте за коровой!

Мама

Я и посматривал, пока она вдруг не заревела. Поднимал

хвост и раздумывал, откуда же телёнок захочет выйти. Даже посчитал статистическую вероятность, она оказалась одной второй, но ответ на вопрос «откуда» она так и не дала, а я всё сетовал на школьные знания.

Посматривайте за коровой!

Никаких инструкций тебе, только указание. Написано так, будто в сельском человеке алгоритм действий в случае чрезвычайной ситуации прописан на уровне генома.

По всем правилам телевидения вот-вот должна была показаться головка. Но нет! Показалась не головка, а копытце. Когда же появились ноздри, я не сдержался и выбежал на улицу в поисках знакомых лиц, но ни матери, ни отца так и не увидел. Воротившись в сарай, я повалился на колени, в позу, удобную для приёма «малыша».

Казалось, будто прошёл уже час. Но теленок всё не выходил. Тогда я взял его за копытца, и в моменты основных долей ритма коровы, играющей музыку жизни, тянул что есть мочи. Пройдя половину пути на свет, теленок выскочил, как восемнадцатилетний подросток из родительского гнезда, я же ударился спиной о кирпичную стену.

Во взгляде коровы я не увидел благодарности, только слезы, то ли радости, то ли боли, и пронзительное «Му». Чуть позже я посыпал «младенца» солью (всё-таки в геноме что-то да прописано...), и корова принялась облизывать своего первенца.

«Должен выйти послед¹, — припоминаю я слова мамы. — Она может его съесть.»

Не знаю, откуда у неё могло возникнуть такое желание, но как только он появился, я тут же убрал его подальше от коровы.

Мы мало чем отличаемся от животных. Недавно девочки в курилке рассказали мне, что женщины после родов едят плаценту, чтобы сохранить свою красоту. Я чуть не блеванул, как кот своей непереваренной шерстью. Когда же речь зашла о родах вне больницы, я поспешил заявить во всеуслышание:

— Опыт у меня есть! Я обязательно помогу женщине и не дам ей съесть послед.

¹ Послед (в медицине и биологии) — это совокупность временных органов, которые обеспечивают жизнедеятельность плода в матке и отделяются от организма матери после рождения ребенка.

Здесь был я

Поставив блок у волейбольной сетки, я неудачно приземлился и растянул сухожилие. Рука опухла так, что не шевельнуть. Девочка, игравшая рядом, подбежала с вопросом: «Что с тобой?» И, не дождавшись ответа, умчалась за Диной Маратовной, нашим тренером.

Она заслужила роль народного лекаря, и мы всецело ей доверяли в вопросах травм. Тренер осторожно коснулась кисти, повертела её так и эдак, потянула, ущипнула и, нахмурившись, изрекла:

— Похоже на растяжение, но не исключаю наличие трещины.

Мне не верилось. Да и особо впечатлительным я не был. Но память подсовывала кадры из боевиков моего детства, где кости антагонистов вылезали наружу.

Глядя на свою руку, ставшую похожей на слоновью ногу, я вдруг засомневался в диагнозе Дины Маратовны, хотя болело только запястье.

Назавтра мы с маманей пошли к врачу. На вопрос «что с вами приключилось?» я, медленнее, чем ему когда-то давалась эта профессия, поднял и положил руку на край стола.

— Болезнь подана! — мелькнуло в мыслях и отразилось на губах.

— Заметно, — хмыкнул врач. — А подробности будут?

Моей руке был вынесен вердикт. Он тут же решил зако-
вать её в гипс. Разумеется, я удивился, ведь врач сказал:

— Сынок, у тебя обычное растяжение. Руке нужен покой,
а человеку, её носящему, — забота и пара обезболивающих
таблеток, — и протянул мамане пластинку с анальгином. —
Как говорится: «Упокой и упакуй, Господи, руку сию». Ле-
ночка, принимайте пациента.

Он отправил меня к медсестре, которая уже месила гипс
в соседней комнате.

В школе я сразу стал достопримечательностью.

Каждый, кто томился от скуки, норовил оставить себя в
вечности фразой: «Здесь был я». Внимание мне льстило. Да-
же те, кто раньше не замечал меня, находили пару минут на
росчерк своего пера. Я чувствовал себя, как бы это сказать,
живым, что ли, пока совсем не осталось места на гипсе.

Считалочка

Паркур тогда только входил в моду, собирал поклонников, и я вместе с ним — коллекцию «шишек» на своём вытянутом к солнцу черепе. Впрочем, я и без модных словечек прекрасно скакал по крышам, а ещё метал ножи в стога сена, которые чаще отскакивали обратно, чем втыкались. О сюрриенах мы и не мечтали, вместо них — железные пластинки сердечника трансформатора в виде буквы «Е» и пластмассовые крышки от банок.

Рассказывали, что я приземлился, пролетев не меньше двух метров высоты. Голова, прежде чем отскочить, как баскетбольный мяч от земли, прошла в нескольких сантиметрах от угла железного корыта. Жёсткое приземление на спину. Воздух застыл и сбился в комок, ведя себя, как капризный ребенок, который гоняет подтекающие сопли: и не туда, и не сюда. Стоит в горле пробкой. А я ни вздохнуть, ни помочь ему не могу. Задыхаюсь. Хочу что-то сказать, но из горла выходит лишь хриплый звук.

Было пасмурно, как сейчас, когда пишу. И так же холодно, но накрапывал дождь. Помню, как отец занёс меня на руках в дом, и как после стоял безмолвно. Помню наворачнувшиеся слёзы при виде матери. И ведь плакал я не от того, что вот-вот мог «откинуться», а от чувства вины за проделанное. С

того дня я и повёл счёт своим агониям.

Мои знания об электричестве в пятом классе ограничивались тем, что в розетку не стоит засовывать пальцы. Вооруженный сим знанием и знаменем из гирлянды, я подумал:

— Два провода, без штекера... возьмусь за прорезиненные части, да и воткну один конец в одно отверстие, другой — в другое. Как было, так и взял два отдельных проводка, воткнув их в ноздрию розетки. А вот ей как бы не понравилось такое действие. И руки мои стали пускать волны. Долю секунды я был в приподнятом настроении, но в шоковом состоянии. С тех пор касаюсь только женщин, книг и еды без какой-либо опаски. Так подкралась цифра два.

По дороге в институт есть переход. Стоит только пешеходу занести ногу над «зеброй», как водители подбавляют газу, а если не успевают проскочить, то жмут на тормоза и прижимают тебя к капоту, со скрипом резин воротя машину.

Я самый преданный канонам ПДД человек. Поглядел налево. Ей-богу, показалось, что машины остановились, но, как оказалось, не все. И это было «три».

Успел отскочить назад, выставив руки и оставив на капоте глубокие вмятины. От злости ещё пару раз ударил по железу. Обозвал всем, что можно назвать женщиной, которая, выбежав с телефоном в руках, справилась о моём здоровье. А пригласив в машину, попросила мой номер, чтобы сказать:

— Может быть, вам деньги нужны?

Я тут же пошёл по новой: обложил её крепким русским словом.

Когда считаешь до трёх, на языке вертится фраза, что Бог любит троицу. И у меня вертелось, только я искал утешение в этих словах, что больше ничего «на грани» не произойдёт. Но потом понимаешь, что уже давно перевыполнил план. Ведь «четыре» было на озере Купа, что местные зовут Деркуль. Дрянное болото. Сделаешь пару шагов по мелководью — и сразу обрыв.

А голос в голове успокаивает:

— Бог — не дурак, любит пятак.

— Бог — не нищий, любит тыщу, — добавляет он.

И ведь не узнаешь заранее, когда смерть снова наступит тебе на пятки и снимет навсегда твои любимые кеды.

М. Ученик

Макар и не подозревал, что в награду за своё рождение с «эволюционной ветки» сорвёт уникальные плоды: мамин небольшой рост, папину щербинку и его же привычку плевать. Впрочем, этим сомнительным даром он заслужил уважение школьных друзей, ведь плюнуть и попасть в доску с задней парты мало кому удавалось.

Он ходил вприпрыжку, энергично перекатываясь с пятки на носок и зависая на долю секунды в воздухе, будто порхая, и говорил без стеснения:

— Что мне этот рост!

Но когда речь заходила об отце, он срывался на крик:

— А батя мой, батя... Он жив, здоров!

В поселке, однако, народ перемывал не кости, а те места, где отец Макара побывал. Одна девочка в нашем классе, её звали Кориной, так отозвалась о ситуации:

— Он же пасёт всех наших коров. Вот плюнет он на траву, зараза-то к корове и пристанет. А мы потом молоко этих самых коров пьём. Правда же, девочки?

Но дальше её подруг пересуды не пошли. Народ детей не слушал, да и пастухов толковых, вернее, не пьющих-то, в помине никто не видал. Потому и прощали отцу его болезнь, даже фельдшер возил ему на луга лекарство, якобы от туберкулёза.

На уроках скука наваливалась на нас быстрее, чем учитель успевала открыть рот.

— Пс-с-с, Кóбра! Корá!.. Да Корíн! — шептал Макар.

— Чего тебе?

— Дай ручку.

— Верни только целой.

Он дождался момента и позвал её вновь. Каша из бумаги, помещенная в дуло наспех разобранный ручки, тотчас же выскочила и поразила лоб Корины. Она вскочила и, двигая кулаком словно молотом, один за другим обрушивала свои удары на Макара, который лишь успевал защищаться, строго-настрого помня, что девочек нельзя трогать, даже если они делают тебе больно.

— Бьёшь как девчонка! — уже не в силах сдерживать смех, выкрикнул Макар.

— Не...

Удар.

— ...надо!

Удар.

— Так...

Удар.

— ...делать!

— Коротышка! Фу, ты её ещё и сгрыз!

Но Макара не пронять было ни словом Зинаиды Ивановны, нашего учителя, ни ударами Корины.

Начальные классы — то место, где тебя насильно отрывают от домашней беззаботной «груди», собирают в раннее утро за закрытыми дверьми, чтобы слушать чужую тётку. Она изрыгает на тебя поток угрожающих слов, требуя тишины и послушания. От этого невольно грызёшь ручку для успокоения, пока колпачок не превратится в пластмассовое месиво с чёткими контурами твоих премоляров.

Через пару дней я заметил, что Корина с ухмылкой поглядывала на задние парты. И представил себе, как она красочно описывает Зинаиде Ивановне блаженство мести, приведя пример с котятами, которых отучивают кусаться.

— Мужчины не плачут, мужчины не плачут, — шептал Макар, едва сдерживая слёзы.

Зинаида Ивановна подбежала к нему, обхватила голову:

— Посмотри на меня!

— Глаза! Больно!.. — шмыгая носом, кричал Макар.

— Идём! Идём быстрее! Промоем под водой. Я за медсестрой. А вы двое отведите его в туалет.

Учительница убежала. Макар всё еще сидел, стонал, скрипя зубами, а его веки распухли так, что больше походили на ещё две пары губ.

— Что с тобой? — невинно спросила Корина.

— А что? Не видно? — огрызнулся он. — Жду не до-

ждусь, когда тебя выпорют ремнем, аж глаза чешутся.

Сопли стекали по губам и на пол, слезы струились по щекам, белки глаз покрылись красной паутиной.

— Нечего грызть чужие ручки! — почти пропела Корина. Девочки хором, внимая каждому её слову:

— Ну-у-у! Нечего грызть!

— Вы что, совсем?.. — не выдержал даже наш тихоня. — Смотрите, что вы натворили! А если у него аллергия?

Вдруг, как один, мальчики закричали, пробуя свои ручки на вкус:

— И на моей... И на моей ручке тоже перец!

Макар оттянул веко и с особой тщательностью протёр его изнутри, чтобы уж наверняка. В ту же секунду я понял, к чему он клонил, и мысленно похлопал его по плечу. В надежде на справедливость он стал нашим мучеником, святым-однодневкой.

Я дежурил после уроков и ненароком услышал:

— Зинаиванна, как мы их, а?

— Молодцы, девочки. Задумка хорошая, но реализация, в конце концов, подкачала. Больше так не делайте, поняли? — сказала Зинаида Ивановна, будто давала совет подружкам. Разве что не поцеловала на прощание. — А ты, Макар, пиши-пиши, не отвлекайся.

И он писал тысячу раз, старательно выводя каждую букву: «Я, Макар Ученик, хороший мальчик».

Всё сошло за обычную шалость. Ни через неделю, месяц, ни через год или два никто и не вспоминал о том случае, но в моей памяти остался едкий осадок несправедливости и эхо слов: «...когда тебя выпорют ремнём».

Да только выпороть Корину было некому.

— Знаете же, что у Корины в семье случилось? — сказал нам как-то директор школы.

Класс переглядывался, всё ещё не веря.

Слухи поползли ещё накануне вечером, хотя какие слухи? Над её домом чёрным столбом встал дым, накрыв посёлок грозовой тучей. Пока отца не было дома, я забрался с биноклем на крышу. Пламя казалось так близко, что до огня можно было дотронуться и не обжечься.

Мать, услышав шаги на чердаке, тотчас же выбежала во двор. Снизу донёсся её пронзительный крик, что слов было не разобрать. А мгновением позже где-то за спиной взвыла сирена — по шоссе неслась пожарная машина, оставляя на раскалённом асфальте влажный след родниковой воды.

Тогда я мучился вопросом «зачем?», а не находя ответа, отчаивался и жалел Корину с её матерью. Знал я только, что отец её заперся в гараже, открыл газовый баллон и накинул петлю на шею, чтоб наверняка. Одной искры хватило для взрыва, прогремевшего на всю округу.

— На сегодня уроки окончены, — продолжал директор.

— Сейчас весь педагогический состав собирается идти к Корине... На похороны... Кто хочет, может пойти с нами поддержать её.

Пошли все.

Мы толпились позади взрослых, у двора её дома, выглядывали из-за чужих спин, совсем не зная, куда себя деть. Как ее поддержишь? Что скажешь? Я смотрел то на Корину, то на толпу. Она молчала, изредка отворачивалась, пряча слезы, и снова смотрела на нас пустыми глазами. Кто-то вышел из дома и тихонько обронил:

— Сейчас гроб вынесут...

Учителя, услышав это, опомнились, всполошились и погнали нас прочь, по домам. Мы уходили, всё время оборачиваясь. Дойдя до «красного» магазина, каждый побрёл в свою сторону. Дальше я уже шёл один; солнце припекало, я растегнул пиджак, рубашку и подумал, как же всё-таки хорошо ощущать этот прохладный ветерок, чем вот так лежать не двигаясь.

По дороге домой на повороте, у самой обочины, лежало кладбище. «Интересно, его сюда привезут или на мусульманское? — гадал я. — Он смугловатым был. Хотя Борисом звали. Имя, кажется, русское. Наверное, сюда... Точно сюда!

Директор школы

Ей показалось, что Андрейка хочет сбить её с ног. Она инстинктивно отпрянула, с грохотом врезалась в доску и, приподнявшись на носочки, стёрла спиной задание для восьмиклассников.

Он подбежал и рухнул на колени, касаясь её туфель, лодыжек, а затем и вовсе обхватил ноги, крича:

— Анфиса Борисовна! Не ставьте двойку. Отчим меня убьёт. Я и так боюсь домой идти.

Она нагнулась, пытаясь поднять его.

— Что?! Что ты делаешь?! Отпусти меня, я сейчас упаду!

Но он не останавливался. Слова сыпались из него с непридуманной уверенностью. Он и не задумывался, что говорить, — словно произнесённое им было заучено заранее, или же он и вправду импровизировал, произнося вслух то, что думал.

— Хотите?!... Хотите, я вам как, вчера после уроков, поцелую ступни.

Даже тени от красных занавесок не скрыли бы бледности её лица. Ноги подкосились. К горлу подкатил металлический привкус крови. Воздух едва проходил сквозь зажатые связки. Её способность сказать что-то разумное и остановить натиск ученика у ног, улетучилась также быстро, как и когда-то её возлюбленный, едва дело запахло свадьбой.

Анфиса Борисовна взглянула на класс. В поисках спасения она пыталась разглядеть в глазах учеников правду — что это всего лишь розыгрыш. Но видела только недоумение и озадаченные взгляды ребят на задних партах, привставших от любопытства. Лишь один смотрел, ухмыляясь. Она уже встречала этот взгляд раньше, и на мгновение, уверившись, что знает зачинщика, ей стало спокойнее.

Первый урок истории в восьмом «А» начался стандартно. То есть с приветствия и окрика, напоминающего команду конвоира:

— Садитесь!

Кирилл, вошедший в класс уже после того, как смолк дребезжащий звонок, замер в пороге, пораженный внезапной переменой декораций.

— Вот те на, — громко, на весь класс, выдал он. — А ты кто такая?

— Живо на место, — отозвалась Анфиса Борисовна, — Я ваш новый учитель истории...

— Новой истории учитель, — усмехнулся Кирилл, громящая стулом, — будем знакомы.

Анфиса Борисовна приступила к делу. Она энергично размахивала руками, словно пыталась взлететь или, как минимум, разогнать туман в головах учеников.

Видимо, она симпатизировала пифагорейцам. Во всяком случае, её манера обращения с мебелью была сугубо гео-

метрической. Подойдя к столу, она уперлась ладонями в его края, скрестила ноги и совершила низкий, почти верноподданнический поклон классному журналу. В этот момент восьмой «А» осознал, что история — наука на редкость осязаемая. Двадцать секунд класс созерцал те подробности женского устройства, которые обычно не входят в школьную программу.

В течение пары недель Анфиса Борисовна говорила. Сначала как человек из каменного века. Потом — как бухгалтер на грани нервного срыва. После большой перемены голос у неё становился особенно выразительным. Но и это не помогало ученикам сосредоточиться. Послеобеденное солнце склоняло юные тела к парте. И только в Кирилле что-то горело — огонёк охотничьей спички, упрямый и, по всей видимости, неисправимый. Анфиса Борисовна иногда ловила этот огонёк взглядом и на миг успокаивалась: значит, не зря, она тут распинается.

— Я пересяду? — внезапно спросил Кирилл, прерывая учительскую речь.

— Нет уж, пожалуйста, посиди на месте, — сказала Анфиса Борисовна.

— Отсюда на вас смотреть — одно страдание. Хочется ракурса посвежее.

И, не дожидаясь разрешения, он двинулся к Андрейке, близкому другу, косясь на Анфису Борисовну с видом чело-

века, познавшего истину.

— Вернись на место! — сказала она.

— Вы что, лишаете меня возможности побыть рядом с другом? Наша жизнь конечна, а это самый близкий мне человек.

— Вон! — взвизгнула Анфиса Борисовна. — Вон и не возвращайся!

Её идеально уложенные брови сошлись над переносицей.

Кирилл, однако, не унимался. Усевшись в одном месте, он тут же вставал и шел к другому:

— Я в творческом поиске, — пояснил он. — Не пойму, где мне удобнее. Вот как взрослые мечутся, стараясь найти свой жизненный путь и место под солнцем, так и я. Мне сложно. За это вы хотите меня наказать? Почему бы сразу не вызвать моих предков? Для полноты абсурда.

— Вон! Я кому сказала! — повторила она.

— Пожалуй, вернусь к истокам, — рассудил Кирилл. — Так, ребят, а где я до этого сидел?

Он перескочил ещё пару парт, выжидая паузы между абзацами диалога учителя с учебником. И скакал до тех пор, пока фраза «сядь на место» не достигла своего апогея, и не стала звучать почти жалобно. После чего Анфиса Борисовна шмыгнула носом, а затем и за пределы кабинета, оставляя на полу черные капли туши.

— Жаль, нет платочка, — сказал Кирилл. — Я помахал бы ей вслед.

К концу октября Анфиса Борисовна научилась вздрагивать от каждого шороха. Мимо Кирилла она пролетала на крейсерской скорости. Дверные ручки трогала через носовой платок, ящики стола открывала на расстоянии вытянутой руки, словно там лежал динамит.

Внутри неё вяло сражались два желания: пасть на колени и молить о пощаде или уволиться к чертовой матери. Но она знала, что любая слабость лишь раззадорит преследователя.

Это случилось после того, как отец рассказал Кириллу о самодельной игрушке из своего детства. Кирилл увлёкся. Он то и дело менял медицинские перчатки. Отрезал резиновый палец, крепил его изолентой к горлышку пластиковой бутылки — получалась мощная рогатка. «Боеприпасы» собирал тут же, под соседским окном. Одну ягоду рябины — в рот, другую — в дуло.

Стоило оттянуть резиновый «курок», и ягода летела в цель — черный маркерный крест на белёной стене. Рябина оставляла яркие кляксы, пока во рту все сводило от горечи. Кирилл палил то в стену, то в небо. Оранжевая пуля на миг исчезала в вышине, чтобы потом отыскаться в черной грязи среди палой листвы.

Именно такое «орудие» и оказалось в руках Андрейки на школьном празднике «золотой осени». Он размахивал им, целился втихомолку, но выстрелить при учителе не решался.

Едва Анфиса Борисовна завилыла, громким стуком каб-

луков заявляя о своём уходе из кабинета, Кирилл почувствовал азарт. И тотчас же, забрав «орудие» у Андрейки, отпустил натянутый резиновый пальчик. Оранжевый шарик не разбился о цель, а упруго отскочил от мягкого.

Учительница подпрыгнула с такой прытью, что ей позавидовали бы звезды НБА². На лбу проступила испарина. Её голос зазвучал тоньше свиристели, изливая возмущение, в то время как её кожа мгновенно покрылась густой красной краской.

Трудно сказать, что возникло раньше: острая боль или осознание интимности произошедшего.

— Кирилл, ты охренел?! — взвизгнула Анфиса Борисовна. Подскочила, вырвала из рук охотника «орудие» и швырнула в глубь пустого класса.

Девочка, рисовавшая плакат, от этого крика испуганно зажала уши и спряталась под парту. Андрейка попятился, скинул горсть рябины резким движением кисти в сторону и замер, теребя подол своей синей джинсовки.

— Ну вот что вы кричите, Ан-фи-са Бо-ри-совна?.. — протянул Кирилл тоном ведущего боксерский поединок. — Эта рябина... Она случайно. Она в вас. Сделала вам бо-бо. А вы такая высоко-высоко!

И он замахал руками, пытаясь вспорхнуть от земли.

² НБА — это национальная баскетбольная ассоциация (National Basketball Association).

— Идите на физику, — бросила классу Анфиса Борисовна. — После уроков жду всех здесь! Проведём классный час и генеральную уборку.

Учитель физики после звонка на урок заявил:

— Ребята, посидите тихо, мне нужно отлучиться ненадолго. Вот вам задание. Со звонком пойдёте домой.

И удалился из школы через черный выход.

Дверь в кабинет физики распахнулась. Анфиса Борисовна замерла на пороге. В пустом классе, склонившись над тетрадью, сидел один Кирилл, не спеша вырисовывал формулы. Стройный, логичный ряд символов приносил ему тихое торжество: он управлял ими, видел за ними красоту формы и силу мысли. Иначе с чего бы ему улыбаться над физическими задачами?

— Я не поняла, — сказала Анфиса Борисовна. — А где остальные?

— Ась?! — отозвался Кирилл, поднял голову, огляделся. — Ох, и правда засиделся! А что, все ушли уже?

— Я же русским языком объясняла, что сегодня будет классный час! А после него — генеральная уборка. Вот идиоты! — пробормотала Анфиса Борисовна.

Кирилл продолжал переписывать выкладки с черновика на чистовик.

— Вставай! Бери ведро, будешь драить парты.

Он не реагировал.

Ручка скользила по листам чистой тетради. Между окнами билась жирная муха. Она демонстрировала гораздо больше воли к жизни, чем Анфиса Борисовна к педагогической деятельности. Муха пыталась вырваться так же, как и подходящие слова для этой ситуации из Анфисы Борисовны. Она стояла неподвижно, пока Кирилл наконец не отложил ручку.

— На сегодня, пожалуй, хватит. Вы что-то хотели, Анфиса Борисовна, или мне опять голоса мерещатся? — сказал Кирилл и улыбнулся.

— Набирай воду и приступай, — пригрозила Анфиса Борисовна, и сама не понимая зачем, взяла указку.

— Не волнуйтесь вы так, — ответил Кирилл. — Схожу за водой, чувствую, вы меня сегодня ещё повеселите.

— Товарищ учитель истории, по вашему приказу парты вычищены, — выпалил Кирилл, встал по стойке «смирно» и шуточно приложил руку к пустой голове.

Анфиса Борисовна окинула его взглядом, полным привычного пренебрежения.

— А жвачки под партами кто будет отлеплять? И вот здесь чернила остались. Оттирай лучше! — сказала она и швырнула тряпку ему под ноги.

— Видите ли, — ответил Кирилл, — отдирать чужую жвачку — занятие чересчур интимное. Такое чувство, будто лезешь незнакомому человеку в рот.

— Ты ещё переговариваться будешь?!

— Я высказываюсь. А слушать меня или нет — дело ваше. Уж если на то пошло, я вот что ещё добавлю: справедливость, Анфиса Борисовна, вообще не ваш конёк. Отчетливо это замечаешь, когда один драишь парты за всех. И ведь не в первый раз за этот год.

Его понесло. Это было похоже на расчёсывание ссадины на колене. Больно, противно, но остановиться невозможно, пока не увидишь кровь.

— И блузки ваши... — он сделал паузу. — Не надевайте их! Из них грудь так и рвётся в руки мужской половины школы.

В ту секунду Анфиса Борисовна стояла смирно, как девочка, которую отчитывают за поздний приход домой.

— Вы путаете даты, события, читаете нам по учебнику, вместо того чтобы увлечь рассказом исторических баек. Заставляете заучивать факты и их точные даты вплоть до минуты, без анализа, почему люди вообще совершают те или иные поступки.

Она крутила золотое кольцо на указательном пальце, пытаясь стянуть его, и от этого злилась ещё сильнее.

— А ведь вы мне так и не ответили!.. Вот зачем нам, восьмиклассникам, ваш предмет?

— Серьёзно? Чтобы учиться на событиях прошлого? Анфиса Борисовна, и правда, повеселили сегодня.

— Ну что?! Чему-нибудь научились? И живёте все две тысячи лет без войн? — заискивающе протянул Кирилл и шаг-

нул к ней.

Одолеваемый каким-то странным и притягательным чувством, исходившим от неё, он не смог сдержать себя: крепко обнял, поцеловал в лоб и прошептал ей на ушко:

— Лучше вам уйти по собственному желанию. Потому что в том окне, если я не ошибаюсь, стоит и наблюдает за нами мой отец.

Ещё три дня

Четверть позади. Оценки исправлены. Вечером «Ёлка» в школе. Костюм напялишь и хороводы будешь водить. Под «танец утят» задом повиляешь.

До нового года еще три дня. Можно погулять, с пацанами завалиться в клубешник, вернее, в сельский центр досуга, корсары повзрывать.

Тридцать первого будет вкусный ужин. Батя шампанское доверит открыть. А мамка тебе в стакан его немного накапает. Через пять минут после полуночи руку к сердцу приложишь и будешь гимн подпевать.

Первого января под ёлкой пару сникерсов отыщешь, да новёхонькую рацию игрушечную.

Вечерком пойдешь с друзьями шайбу гонять спиленными дрынами, да на велике кататься по озеру, пока под воду не уйдёшь, наполовину. С пацанами попрощаешься и, почмокивая водой в валенках, вернешься домой.

Столько еще всего впереди, жизнь такая невинная и чистая, как ночью выпавший снег, успевай дышать.

И, сука, так хороша.

Рита Жук

В летнем лагере «Тополёк» обитала одна девочка. Фамилия такая же символическая, как и её въедливый характер. Знакомьтесь, Рита Жук. Рита обладала той степенью наивности, которая в медицинских справочниках граничит с легким слабоумием. Природа, обделив её логикой, щедро одарила чувствительностью, выкрутив настройки её психики на максимум. Рита визжала. Визжала по любому поводу, даже когда не полагалось.

— На полдник дают кисель! — сообщал дежурный.

— А-а-а! Обожаю кисель! — заходила в экстазе Рита Жук. — Кисель! Господи, кисель!

Ей казалось, что этот розовый клейстер варят исключительно в лагерях. Коль, у неё такая любовь с ним, в её воображении мелькала мысль, что в лагере можно провести всю жизнь. Впрочем, эта мысль посетила скорее меня. За одно лето Рита успела отметиться в «Факеле», «Огоньке» и «Туристе». Откуда я это знаю? Мы мотались по лагерям вместе.

Иногда к детям приезжали родственники. И к ней приехали. Мать и отец. Чтобы встретиться с цивилизацией, следовало преодолеть два лестничных пролета вверх и вниз, перебежав в другое крыло здания, поэтому Рита Жук неслась к выходу, воодушевленно сбивая на своём пути малолеток.

Отец ждал её на лавке у входа. Мать суетилась, всё время подходила к окну, почти прижималась к стеклу и складывала ладони козырьком, чтобы лучше разглядеть. От отца несло бензином, табаком и потом. Пальцы у него были толстые и длинные, будто морковки, из тех, что сколько ни мой после грядки, всё равно в трещинках останется земля. Вот и у него осталась.

— Гляди, какой подарок тебе взяли, — вышёптывал отец, зажатый в объятия дочери.

Мать протянула крестик.

Рита посмотрела на изделие с видом судебного пристава, оценивающего конфискат.

— А почему не золотой?

— Дочка, — мягко произнёс отец, — он серебряный. То же дорогой.

Грусть и недовольство сменились безудержным весельем и резвостью Риты Жук. Кажется, слово «дорогой» подействовало на неё сильнее, чем святость самого предмета и то, из чего он был сделан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.